

Трудный ребенок

Автор:

[Кир Булычев](#)

Трудный ребенок

Кир Булычев

«Мне запомнился один разговор. Ничего в нем особенного – я таких разговоров наслушалась сотни. Но тогда мне вдруг пришло в голову, что постороннему человеку ни за что не догадаться бы, в чем дело...»

Кир Булычев

Трудный ребенок

1

Мне запомнился один разговор. Ничего в нем особенного – я таких разговоров наслушалась сотни. Но тогда мне вдруг пришло в голову, что постороннему человеку ни за что не догадаться бы, в чем дело.

Моя бабушка сидела в соседней комнате и жаловалась на жизнь своей подруге Эльзе. Я к таким беседам отношусь положительно: бабушке полезно выговориться. Специально я не вслушивалась, но работа у меня была скучная, механическая, и некоторые фразы запали в голову.

Я ползала на коленях по полу с тубиком в руке и скальпелем в зубах и подклеивала подкладку пузыря. Разница между дилетантом и настоящим

спортсменом-пузыристом заключается в том, что дилетант старую подкладку выбрасывает – невелика ценность. Профессионал склеит подкладку собственными руками и подгонит пузырь по себе так, что его конструктор не узнает. Ведь скорость и маневренность пузыря зависят порой от таких неуловимых мелочей, что просто диву даешься. Мы все такие – профессионалы. Как-то я была на сборах, рядом тренировались велосипедисты – славный пережиток зари механического века. Вы бы посмотрели, как они обхаживали, перекраивали, сверлили свои машины.

И тут я услышала голос бабушки:

– Иногда у меня руки опускаются. Вчера он прыгнул на верхнюю раму телеэкрана и с такой яростью отломал ее, что я боялась – потеряет пальцы.

– Это ужасно, – согласилась подруга.

Всю жизнь у бабушки происходят события, и всю жизнь Эльза выражает бабушке сочувствие.

Они поговорили немного, я не слышала, о чем, потом голос бабушки опять проник в мою комнату:

– Я думала, что мы его никогда не достанем из-под плиты. Там щель крохотная. А он умудрился забраться в нее ночью, пока все спали.

– Ты, наверно, страшно переволновалась?

– Не то слово. Утром встаем, его нигде нет. Олег (имелся в виду мой папа) чуть с ума не сошел. А я пошла на кухню, только набрала на плите код, как у Катерники возникло предчувствие. Она заглянула в щель. Просто счастье, что я не успела нажать кнопку. Потом техник мне сказал, что под плитой температура поднимается до ста градусов.

– И он вылез?

– Ничего подобного. Он застрял. Лежит и шипит. Пришлось демонтировать плиту. А техник сказал...

– Но должны же быть какие-то светлые моменты, – настаивала Эльза.

– Ни одного! – отрезала бабушка. – Но самое страшное, я не представляю, что он выкинет завтра.

– Нырнет в мусоропровод? – предложила в качестве рабочей гипотезы Эльза.

– Это он уже делал. Катерника поймала его за задние лапы. Все приходится держать под замком, все проверять, все прятать. За последние полгода я состарилась на десять лет.

Последние слова бабушки не соответствовали истине. Выглядела она великолепно. Борьба с Кером придавала ее жизни определенную остроту. Мученический венец бабушку молодил.

И вот, прислушиваясь к этой неспешной беседе и ползая притом со скальпелем в зубах по скользкой подкладке, я пыталась представить себе, что я ничего не знаю. Допустим, я случайный человек, Кера в глаза не видела. Кем он мне привидится? Котенком? Щенком?.. Но уж совсем не чертенком со старой гравюры...

Меня дома не было, когда отец привез Кера. Я задержалась на тренировке, поэтому и увидела его последней.

Он сидел на столе и показался мне похожим на голодную, замерзшую обезьянку, забывшую о живости и лукавстве обезьяньего племени. Он кутался в какую-то серую тряпку, с которой ни за что не желал расставаться, и его светло-серые глазищи были злыми и настороженными. При виде меня он оскалился, отец хотел его приласкать, но Кер отмахнулся от отца длинной ломкой рукой. Потом неловко спрыгнул со стола и заковылял в угол.

– Вот, Катерника, у нас прибавление семейства, – печально сказала бабушка, которая обожает всяческую живность, но которую, как и меня, Кер страшно разочаровал.

Еще вчера мы были полны энтузиазма и предвкушали радостную и трогательную встречу с несчастным сироткой, которого будем голубить, нежить и терпеливо

воспитывать. И вот сиротка сидит в углу, шипит, а из-под серой тряпки выглядывает краешек недоразвитого перепончатого крыла.

До встречи я знала о Кере столько же, сколько любой другой житель нашей планеты. Его и еще пятерых таких же малышей нашли в спасательной капсуле на орбите вокруг второй планеты в системе, номер которой я, конечно, забыла. На планете было поселение или база. База погибла при неизвестных обстоятельствах. Корабль подняться не успел, но они смогли погрузить своих детишек в спасательную капсулу и вывести ее на орбиту. Может, они рассчитывали, что к ним придет помощь, не знаю. Помощь не пришла, а сигналы капсулы были приняты экспедиционным судном «Вега». Малыши, когда их нашли, были чуть живы. Вот их и привезли на Землю. Куда еще прикажете их везти, если дома у них теперь не было?

«Вега», разумеется, оставила на орбите маяк. Так что, если прилетят спасатели, они будут знать, куда эвакуировали малышей.

Сначала их хотели оставить в специальном интернате. Потом решили распределить по семьям: малышам нужна постоянная забота и родительская ласка. И мой отец получил разрешение взять сироту на воспитание. Я думала тогда, что некоторые мои подруги лопнут от зависти. Наша семья оказалась почти идеалом по представленным в ней профессиям: отец – биолог, точнее, космобиолог, мама – медик, а бабушка – известный специалист-теоретик по дошкольному воспитанию.

Вот мы и стали жить вместе, если это можно назвать «вместе». Мне не хотелось бы обижать Кера, но некоммуникабельность, существовавшая между нами, была сродни той, что возникает порой между людьми и дикими животными. Допустим, вы селите у себя горностаю. Животное подвижное, сильное и красивое. Вы окружаете его лаской, кормите его мясом вдосталь, сооружаете ему удобную постель, но вы думаете при этом, что он если не сегодня, то потом, через неделю, месяц отплатит вам взаимностью. Но он и сегодня, и завтра, и послезавтра преспокойно кусает протянутую руку, все ворует, создает под подушками запасы гниющего мяса и ждет только возможности, чтобы удрать из дома, вернуться к голоду и неуверенности своего лесного существования. Он убежден, что вы его враг, что все вокруг его враги, заманившие его сюда, чтобы съесть. Вот такую аналогию можно было бы провести и с Кером.

Он ничего не хотел понимать. Это не значит, что он в самом деле не понимал. Ему был внушен русский язык, нам – его язык, так что при желании мы могли бы побеседовать. Как бы не так.

Помню, недели через две такой жизни я в минуту раздражения, когда Кер только что разодрал на мелкие клочки очень нужное мне письмо, да притом сожрал эти клочки, сказала ему:

– Дружище, ты что, провоцируешь меня на рукоприкладство? Не добьешься. Я маленьких не бью.

Он сделал вид, что ни слова не понял, подпрыгнул и укусил меня за назидательно протянутый в его сторону палец. Честно говоря, я вечно ходила с распухшими, ноющими пальцами, а в школе или на тренировках мне не хотелось признаваться, что это работа моего очаровательного сиротки, и я врала напрапалую о приходящем ко мне скунсе-вонючке да рассказывала легенды о благодарности и отзывчивости Керочки.

Бабушку он вообще ни в грош не ставил, все ее воспитательные теории разрушал одним махом, маму не замечал, только отца побаивался, что того очень огорчало.

Отец уверял, что по уровню физического и умственного развития наш новый ребенок равен десятилетнему. И растет он быстрее, чем мы. Так что мы встретились с ним, когда мне было тринадцать, ему будто бы десять. А к моим семнадцати мы должны будем сравняться. При условии, конечно, что физиологи не ошиблись.

Глупым его назвать было нельзя. Доказательством тому случай с дневником наблюдений. Дневник – название условное. Над Кером, как и над другими малышами, велось постоянное наблюдение. Камеры, скрытые в стене комнаты, постоянно фиксировали его жизнь. А кроме того, мы договорились записывать в толстенную книгу – не знаю, где ее раскопала бабушка, – все интересное, что, на наш взгляд, происходило с Кером. Читать он не умел. Его этому еще не учили, но он как-то догадался, что периодические обращения людей к толстой книге имеют к нему прямое отношение. Может, просто связал последовательность событий – дети ведь такие наблюдательные. Стоило ему чего-нибудь натворить, бабушка или я, папа реже, хватались за книгу и начинали в ней царапать. Так

вот, книга исчезла, и мы сначала даже не догадались, что это его рук дело. Он и виду не подал. Так же кусался, отказывался от бабушкиных коржиков и бабушкиных нотаций. И в глазах у него стояла та же пустота и злоба на нас, на весь наш земной, в общем, тепло к нему расположенный мир.

Я тогда пыталась узнать у отца, как обстоит дело в других семьях, которые взяли на воспитание малышей. Оказалось, то же самое. В той или иной степени. У одного профессора Кембриджского университета жила девочка из спасенных. Она никого даже узнавать не хотела. К нам приезжал психиатр, так он сознался, что «на данном этапе мы бессильны найти путь к их сердцам», и уехал, а бабушка потом корила его: «Разве можно так говорить о детях?»

Так вот, книгу он боялся, ждал, видно, от нее каких-нибудь неприятностей и решил сжечь ее в саду, для чего обломал ночью ветви яблони, сломал сиреневый куст, сложил все в кучу, поджег, только сырые ветви плохо горели, этого он не знал.

Сначала приехали пожарники, потом мы сами проснулись. Гляжу в окно – там страшные прожектора, тревожно: оказывается, пожарный разведчик унюхал дым и приехал нас спасать. Кер сбежал в дом, улегся, весь мокрый, измазанный сажей, в постель и делал вид, что ничего не произошло. Книгу он испортил намертво, но был собой доволен и в ответ на наши укоризненные взгляды радостно скалился – зубки острые, хищные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/kir-bulychev/trudnyy-rebenok>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)